

ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА

ЭО, 2009 г., № 3

© Т.Г. Иванова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК И ЕЕ РОЛЬ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ 1920-х годов

Нам уже приходилось писать о том, что в первое десятилетие XX в. (и чуть дольше) в отечественной фольклористике одновременно сосуществовало множество фольклористических центров, каждый из которых имел свою специфику, свои научные пристрастия и интересы. Довольно четко в науке в 1920-е годы выявляется тенденция к затуханию фольклористической деятельности в старых, дореволюционных организациях, и к бурному (часто кратковременному) расцвету научной мысли в учреждениях, созданных советской властью (Иванова 2004: 48–66, 2007: 304–306). В настоящей статье предлагается краткая характеристика деятельности Государственной академии художественных наук (ГАХН, Москва) в области фольклористики.

Напомним, что в дореволюционной Москве фольклорно-этнографическим центром был Этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ), существовавшего при императорском Московском университете. Президентом ОЛЕАиЭ с 1890 г. был видный антрополог и этнограф акад. Д.Н. Анучин. После его кончины в 1923 г. во главе общества стал А.Н. Максимов (1872–1941), известный этнограф, сформировавший свои интересы во время ссылки в Архангельскую губ. (1894). В 1921 г., по выходе страны из гражданской войны, Этнографический отдел ОЛЕАиЭ попытался возродить свою деятельность, практически угасшую в годы смуты. В 1921–1922 гг. прошло восемь заседаний, на которых был сделан ряд докладов, в том числе по русскому фольклору. В.В. Богданов прочел сообщение о харьковском этнографе Н.Ф. Сумцове, скончавшемся в 1922 г. Он же выступил с докладами о В.И. Дале и о книге В. Мансикки, посвященной религии восточных славян. Е.Н. Елеонская сделала сообщение о Н.А. Янчуке как собирателе произведений фольклора. В начале октября 1921 г. в обществе прошло заседание в честь 50-летия со дня кончины А.Н. Афанасьева. С докладами выступили Ю.М. Соколов, В.В. Богданов и Е.Н. Елеонская (Переписка 1998: 14, 20). В 1922–1923 гг. состоялось шесть заседаний отдела, столько же раз собирались в 1923–1924 гг.

Совет Общества любителей естествознания и антропологии и после революции делал все для того, чтобы позиционировать общество как организацию всероссийского характера, каковым ОЛЕАиЭ являлось до 1917 г. В октябре 1921 г. Общество присудило большую премию Б.М. Соколову "за образцовую и энергичную организацию научных этнографических работ в Саратове в 1919–1921 гг.: местного этнографического музея, этнографических экспедиций в Саратовском краю и лекций по этнографии для разных кругов населения в Саратове и Саратовской губернии". Малая премия была присуждена П.Г. Богатыреву за его рукописное исследование "Польские и русские сборники фаянцев" (Там же: 39). При обществе с 1911 г. существовала комиссия по

народной словесности, которая собирала вокруг себя фольклористов Москвы. Председателем комиссии после революции оставался тюрколог В.А. Гордлевский, занимавший этот пост с 1913 г. Бессменным ее секретарем являлась Е.Н. Елеонская; 16 июля 1921 г. товарищем председателя был избран Ю.М. Соколов. В 1921–1922 гг. комиссия собиралась пять раз. 21 октября 1921 г. Ю.М. Соколов сообщил брату Борису, проживавшему в Саратове: «на зас<едании> Ком<иссии> по нар<одной> сл<овесности> Елеонская прочитала доклад "Описание свад<ебного> обряда в Рыбацк<ой> слоб<оде> у Переясл<авского> озера"» (Там же: 37). 12 января 1922 г. А.М. Смирнов сделал доклад о словотворчестве в сказке, а Е.Н. Елеонская – о книге немецкого фольклориста К. Шписса о сказке (Там же: 65). В 1922–1923 гг. А.М. Смирнов доложил в Комиссии свои результаты по исследованию сказок о мачехе и падчерице; А.С. Якуб сделала сообщение о песнях с темой пострижения.

Таким образом, ОЛЕАиЭ в определенной мере возродило свою деятельность. Тем не менее общество, лишенное необходимой материальной поддержки со стороны государства, в 1920-е годы не смогло восстановить былые позиции в области этнографической науки. В 1931 г. оно было официально закрыто.

Подлинным фольклористическим центром в Москве в 1920-е годы стала фольклорная подсекция литературной секции Государственной академии художественных наук (ул. Кропоткина (бывшая Пречистинка), д. 32). В результате неоднократных структурных изменений, проводившихся Наркомпросом в первые годы советской власти, в начале 1921 г. была создана Научно-художественная комиссия, которая должна была объединить разные научные единицы, связанные с изучением сферы искусства. 16 июня А.В. Луначарский выступил с докладом "О задачах Комиссии (Академии)", подкрепленном сообщением П.С. Когана "О плане работ Комиссии". 5 октября 1921 г. был принят устав Российской академии художественных наук. Во главе ее встал П.С. Коган; секретарем ее сначала был А.И. Кондратьев, а затем А.А. Сидоров.

ГАХН имела довольно сложную структуру. Три ее отделения – физико-психологическое (председатель – А.В. Бакушинский), историко-философское (председатель – Г.Г. Шпет) и социологическое (председатель – В.М. Фриче) – должны были, по мысли создателей академии, не только обеспечить всестороннее изучение искусства как такового, но и указать пути, которые привели бы к созданию синтеза искусств, отражавшего социалистическое мышление. Работа сосредоточивалась в секциях: театральной, музыкальной, изобразительных искусств, архитектурной, скульптурной и др. В конце 1921 г. среди прочих секций была создана и литературная, которую возглавил М.О. Гершензон. Последняя объединила таких видных ученых своего времени, как Н.К. Гудзий, П.С. Коган, П.Н. Сакулин, В.Ф. Переверзев, Д.Н. Ушаков, М.А. Цявловский и др. С самого начала в нее вошли и фольклористы: О.Э. Озаровская, Ю.М. Соколов, С.К. Шамбинаго, Б.И. Ярхо (Кондратьев 1923).

Фольклористическая составляющая в работе ГАХН проявилась далеко не сразу. Судя по переписке Ю.М. и Б.М. Соколовых, в которой дела академии упоминаются неоднократно, в 1921–1923 гг. ГАХН в сферу фольклористики не вторгалась. И лишь 3 декабря 1923 г. литературная секция была разделена на три подсекции: историко-литературная, теоретической поэтики и фольклорная. Фольклорная подсекция ГАХН в конце концов и стала центром, объединявшим московских фольклористов.

Без сомнения, инициатором создания ее был Ю.М. Соколов, организаторские способности которого требовали начать самостоятельное дело. В рамках комиссии по народной словесности ОЛЕАиЭ и в Центральном бюро краеведения¹, где московское отделение возглавлял В.В. Богданов, Ю.М. Соколову было неуютно. В письмах последнего к брату Борису постоянно звучит мотив недовольства работой названных научных учреждений: "Во вторник было заседание Комиссии по нар<одной> словесности. Вначале происходила нелепая руготня между Вл.Вл. Богдановым и Вл.А. Гордлевским..."; "В Центральном бюро краеведения по-прежнему скучно. Ах, как всех морит

Богданов"; "Неск<олько> заседаний провел в Краев<едческом> бюро. Очень трудно спорить с Богдановым: уж очень упорен и схоластичен"; "В<ладимир> В<ладимирович> закис. В Бюро краеведен<ия> бывать – сущая скука. Ах, какой бюрократ-проектировщик!" (Переписка 1998).

В рассматриваемый период главным местом работы Ю.М. Соколова был Государственный исторический музей (ГИМ), в котором он служил младшим помощником библиотекаря в 1914–1917 гг. В 1919 г. Ю.М. Соколов был заведующим читальным залом, а с июня 1922 г. исполнял обязанности заведующего библиотекой ГИМа. При музее ему была выделена в 1921 г. и казенная квартира. Помимо службы в музее Ю.М. Соколов читал лекции в I Московском университете (т. е. в историческом императорском университете; с 1919 г.), Московской консерватории (1913–1924), Московском городском университете им. Шанявского (1916–1920), на Педагогических курсах (1920–1921), в Высшем литературно-художественном институте им. В.Я. Брюсова (1923–1925). С 1919 по 1930 г. он являлся также преподавателем, а затем профессором Тверского педагогического института, куда периодически выезжал для чтения лекций (*Иванова, Струганов* 2003). Весьма характерен пассаж из письма Ю.М. Соколова к брату в Саратов от 6 августа 1923 г.: «Планов на буд<ущий> год строим много. Боюсь, не слишком ли я забрался с лекциями. Намечены на буд<ущий> год следующие курсы: I. В университете: 1. курс нар<одной> словесности, 2. триместра; 2. семинарий "Поэтика нар<одной> словесности", 3. триместра; 3. практикум "Методы собирания фольклорных материалов", 1 триместр. II. Консерватория: 1. курс "Новая русская литература"; 2. курс "Поэтика" (хочу попрактиковаться в этой области). III. ГИС: обычный курс "Народное сказывание" (для факультета рассказывания) <...>. IV. В<ысший> лит<ературно>-худ<ожественный> институт: 1. курс "Нар<одная> словесность", 3 трим<естра>; 2. семинарий по нар<одной> словесности. V. Тверск<ой> педагог<ический> институт: 1. курс "Народная словесность", 2. курс "Древняя литература", 3. семинарий по нар<одной> словесности, 4. семинарий по древней литературе» (Переписка 1998).

Тем не менее, несмотря на занятость Ю.М. Соколова, фольклорная подсекция ГАХН благодаря его энергии встала на ноги. За довольно короткий срок своего существования она проявила себя в трех направлениях: просветительском, экспедиционном и научно-исследовательском.

Уже в 1924–1925 гг. ГАХН наряду с различными выставками и концертами устроила ряд этнографических вечеров: песни русской деревни Поволжья, песни и пляски Крыма и Востока, песни финно-угорских народов Поволжья. 29 марта 1925 г. был проведен вечер памяти пинежской сказительницы былин М.Д. Кривополеновой, скончавшейся в 1924 г. (Бюллетень ГАХН. 1925: 31).

Согласно отчету подсекции за 1924–1926 гг., ГАХН ставила себе в актив летнюю экспедицию 1924 г. Ю.М. Соколова в Переславль-Залесский у. Владимирской губ., поездки П.И. Князева в Егорьевский у. Московской губ. и М.И. Костровой в Спасский у. Рязанской губ., выезды Т. Мирера в татарские деревни и С.П. и Э.Г. Бородиных в Бухарскую республику. ГАХН принимала участие в организации Верхне-Моложской экспедиции, проведенной Ю.М. Соколовым в 1925 г. в основном силами тверских студентов. В отчете академии называются также экспедиции того же года Б.М. Соколова в Марийскую и Вотскую области, О.Э. Озаровой в Архангельскую губ. и поездка секретаря подсекции Р.О. Шор на Кавказ (*Шор* 1926: 110–111).

Самым значимым проектом фольклорной подсекции ГАХН стала трехгодичная (1926–1928 гг.) экспедиция "По следам Рыбникова и Гильфердинга". В отличие от кириллово-белозерских "фольклорных экскурсий" (1908–1909 гг.) Б.М. и Ю.М. Соколовых и от летних выездов Саратовского (Б.М. Соколов) и Тверского (Ю.М. Соколов) университетов, организованных в 1920-е годы, экспедиция в Карелию ставила перед собой не широкие (фиксация всех жанров русского фольклора), а узкие (собрание

песенного эпоса) задачи. Обследование Заонежья через 60–70 лет после того, как там побывали первые собиратели былин, позволило фольклористам выявить изменения, происшедшие в течение нескольких десятилетий в песенно-эпической традиции. Особо подчеркнем, что предметом осознанного внимания собирателей были не только былины и старые исторические песни, но и духовные стихи. "Как показывают записанные нами тексты и сделанные наблюдения, – указывал Ю.М. Соколов, – между произведениями двух жанров (т.е. былин и духовных стихов. – *Т.И.*) у одного и того же певца происходит интересная переключка, которую было бы желательнее научно учитывать" (*Соколов 1927*: 13; Бюллетень ГАХН 1926б: 80–81). Через несколько лет духовные стихи, как жанр религиозный, будут на долгие годы исключены из сферы советской фольклористики. Именно поэтому сборник "Онежские былины" от 1948 г., изданный по материалам экспедиций ГАХН, образцов этого жанра не содержит (Онежские былины 1948). Помимо былин и духовных стихов члены экспедиции не удержались от записи таких редких жанров, как народная драма и приговоры свадебных дружек. Но этот материал также не был опубликован.

Экспедиция 1926 г. проводилась с 25 июня по 21 августа. В ней участвовали Ю.М. Соколов (Б.М. Соколов не смог поехать вследствие болезни), его жена В.А. Дынник (научный сотрудник ГАХН), Ю.А. Самарин (научный сотрудник Центрального музея народоведения), музыкант-этнограф С.М. Любский и журналист С.П. Бородин, которого Ю.М. Соколов определил как "мой давний спутник по руководимым мною студенческим экспедициям" (*Соколов 1927*: 8). В указанном составе экспедиция проработала один месяц, а затем, после отъезда В.А. Дынник, С.М. Любского и Ю.А. Самарина, к сотрудникам экспедиции присоединилась Э.Г. Бородина.

С 30 июня по 4 августа Ю.М. Соколов и его команда записывали былины в Кижской вол. на родине Т.Г. Рябины, К.И. Романова и В.П. Щеголенка. Потом на лодке они перебрались на Пудожский (восточный) берег озера, где до 14 августа продолжили работу в Авдеевской вол. и на берегах Купецкого оз.

В том же 1926 г. знаменитый Государственный институт истории искусств (ГИИИ, Ленинград), чья экспедиционная деятельность получила воплощение в сборниках "Сказки и предания Северного края" И.В. Карнауховой (1934), "Былины Севера" А.М. Астаховой (1938–1951), "Песни Пинежья" З.В. Эвальд (1937), "Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова" В.Я. Проппа (1961), начал свою фольклорно-собираТЕЛЬскую работу также с Заонежья. Таким образом, интересы фольклористов ГАХН отчасти пересеклись с задачами, которые поставили себе ученые из ГИИИ. Некоторая конкуренция между московскими и ленинградскими собирателями заметна в дневниковых записях Ю.М. Соколова, приведенных В.А. Бахтиной. О своей работе со сказительницей Н.С. Богдановой (Зиновьевой), проживавшей в Петрозаводске, он заметил 27 июня: "Ленинградцы записали от Степановны только 1 1/2 старины да сказку. Ну и фольклористы! Не страшно с ними конкурировать!" (*Бахтина 2000*: 136). Однако при всей ревности, которая прослеживалась в отношениях фольклористов ГИИИ и ГАХН, ученые обоих учреждений трудились на благо науки. Подчеркнем, что севернорусские экспедиции ГИИИ и ГАХН имели принципиально разный характер. Ю.М. Соколов писал по этому поводу: "Отличалась наша экспедиция отграниченностью задачи... от широко-комплексной экспедиции, которую в 1926 г. организовал Ленинградский Институт истории искусств, поставивший себе целью охватить в определенном районе все разнообразие существующих форм изобразительного, театрального, музыкального и словесного искусства. Правда, с работами этой экспедиции в некоторой степени совпадение было, так как экспедиция И.И.И. захватила и попавшийся ей былинный материал, но большая часть записи была произведена ленинградцами лишь по соседству с обследованными нами волостями, и таким образом записи эти могут дополнить и подтвердить составленную нами картину жизни эпоса. Лишь некоторая часть былин оказалась записанной от тех же самых лиц, от которых записывали и мы... Но и в этом случае, с

научной точки зрения, для целого ряда специальных вопросов (напр., для уяснения процессов вариирования, импровизации у отдельных сказителей) надо считать такое соприкосновение в работе чрезвычайно ценным. Это интересно и в целях взаимной проверки собирателями способов собирания и его результатов" (*Соколов 1927: 7–8*).

В 1927 г. фольклористы ГАХН добрались через Вологду и железнодорожную станцию Няндомы до Каргополя, а оттуда (180 км на лошадях) – в Кенозеро, где и развернули свою работу. В экспедиции участвовали Ю.М. и Б.М. Соколовы, В.А. Дынник, С.П. Бородин, научный сотрудник Центрального музея народоведения М.А. Ильин и студенты II-го Московского государственного университета (т.е. университета, созданного на базе Высших женских курсов после Октябрьского переворота) В.И. Чичеров (будущий видный фольклорист) и П.А. Грушников.

В 1928 г. маршрут проходил по восточному берегу Онежского оз. в районе Шалы и Пудожа и далее на Водлозеро и Рагнозеро. Трудились здесь Б.М. Соколов, С.П. Бородин, Э.Г. Бородина-Морозова, Ю.А. Самарин, В.И. Чичеров, И.С. Ильинская, В.И. Яковлева, Н.Г. Аполлова.

Всего за три года работы было записано 376 былинных текстов. Материалы экспедиций хранились сначала в ГАХН, а в 1930 г., после закрытия и реорганизации академии в Московское отделение Государственной академии искусствознания (ГАИС), записи оказались в этом учреждении. В 1932 г., в связи с упразднением фольклорного кабинета ГАИС, рукописи были переданы в Московское отделение Государственного института материальной культуры, и, наконец, в 1934 г. – в архив только что созданного Государственного литературного музея. Сборник "Онежские былины" по записям 1926–1928 гг. был готов к печати вскоре после окончания экспедиций, но в результате указанных передач из одного учреждения в другое часть подготовленной рукописи была утеряна и поэтому в 1938–1939 гг. В.И. Чичерову пришлось подготовить новый вариант издания (*Бахтина 2000*). Начавшаяся Великая Отечественная война задержала публикацию сборника, который вышел, как указывалось выше, лишь в 1948 г.

Весьма любопытна техника записи, которую использовали фольклористы ГАХН. Ю.М. Соколов сообщал: "Техника записи была обычно такова: в первой поездке двое писали первую половину строки, немного переходя за цезуру, двое других – вторую половину, начиная немного раньше цезуры. Во второй и третьей поездках (на Кенозеро и Водлозеро) экспедиция производила записи двумя отрядами, по три человека в каждом. Ввиду того, что при указанном способе записи некоторые недочеты (в виде пропусков) падали большей частью на середину стиха, работа стала распределяться между тремя участниками: на одного падало начало записи, на другого конец и на третьего, естественно, захватывающего боковые области, середина стиха. Таким образом, строку можно было записать с достаточной точностью. Не записывали мы сразу всей строки потому, что тогда пришлось бы останавливать сказителя или заставлять его петь значительно медленнее, чем обычно, а опыт нас уже научил, что точный и хороший текст можно получить от сказителя только тогда, когда сохранены условия привычного, естественного исполнения" (*Соколов 1948: 6*). Таким образом, техника записи эпических произведений московской экспедиции стала новым словом в науке о "живой старине", на протяжении своего развития постоянно стремящейся к получению наиболее аутентичного пропетому (рассказанному) текста (*Еремина, Жекулина 1991: 60–68; Бахтина 2000: 147–156*).

Обязательной формой фольклористической работы в ГАХН были регулярные доклады. Часть из них, естественно, строилась на экспедиционных материалах. В отчете за 1924–1926 гг. называется целая серия докладов Р.И. Аванесова, Е.А. Дроздовской, Е.Б. Тагер, В.И. Князева, А.Г. Цейтлин и Ю.М. Соколова о поездке в Переславль-Залесский край; доклад Р.О. Шор "Работа по фольклору в Грузии, Армении, Азербайджане и Северном Кавказе"; информация Ю.М. Соколова о результатах совещания

фольклористов в Ленинграде по вопросу классификации и регистрации русской сказки и др. (*Шор* 1926: 110–111).

1 октября 1925 г. О.Э. Озаровская выступила в ГАХН с сообщением "Поездка в Архангельскую губернию летом 1925 года", а 12 октября она же сделала доклад "Анализ обряда северной свадьбы", где сравнила пинежский обряд, с его "скоморошьям" началом, и кулойский, более торжественный и серьезный. Ю.М. Соколов 26 октября по материалам экспедиции лета 1925 г., проведенной им со студентами Тверского университета, прочел сообщение "Верхне-Моложский край". В ноябре Б.М. Соколов подвел итоги экспедиционной работы Саратовского университета в Марийской и Вотской областях (Бюллетень ГАХН. 1926а: 34–35).

Столь же активно фольклорная подсекция работала и в первой половине 1926 г. С докладами выступали приезжавшие из Ленинграда В.М. Жирмунский ("Теория Neusler'a о происхождении германского эпоса") и М.Б. Едемский ("Северные сказки и сказочники"). ГАХН притягивала к себе молодых фольклористов, только начинавших свой путь в науку. 19 апреля сообщение "Индивидуальный стиль сказочника" сделала Э.В. Гофман (Померанцева), а 17 мая проблема индивидуального стиля была рассмотрена в докладе С.И. Минц. Среди докладчиков фольклорной подсекции мы найдем и лиц, которые по каким-то причинам не состоялись как фольклористы, однако обратим внимание, что темы их сообщений были в высшей степени интересными и актуальными, отражавшими новые веяния в науке 1920-х годов: Г. Юргин "Крестьянские автобиографии" и Шарко "Песни московских рынков" (Бюллетень ГАХН. 1926б: 39–40)¹. Сведения о докладах, прочитанных в фольклорной подсекции ГАХН, вплоть до первой половины 1928 г. содержатся в регулярных отчетах Литературной секции, печатавшихся в "Бюллетенях ГАХН" (Бюллетень ГАХН. 1927: 38–45; Бюллетень ГАХН. 1927–1928а: 24–31; Бюллетень ГАХН 1927–1928б: 17–28; Бюллетень ГАХН. 1928: 27–43).

Говоря о вкладе ГАХН в советскую фольклористику 1920-х годов, следует сказать о продолжающемся издании "Художественный фольклор", органе фольклорной подсекции литературной секции ГАХН: выпуск 1 – 1926 г.; выпуски 2–3 – 1927 г.; выпуски 3–4 – 1929 г. (редактор – Ю.М. Соколов). Обращаем внимание, что московским фольклористам удалось сделать то, что при всем многообразии учреждений в Петрограде/Ленинграде (Государственный институт истории искусств, Государственная академия истории материальной культуры, Институт по изучению литературы и языков Запада и Востока, Русское географическое общество и др.), не смогли осуществить их коллеги из бывшей столицы Российской империи: они восполнили, пусть и не в полном объеме (издание так и не стало журналом, имевшим несколько номеров в году), исчезнувшие в эпоху российской смуты знаменитые дореволюционные журналы "Этнографическое обозрение" (Москва) и "Живая старина" (Петербург).

Одна из заслуг "Художественного фольклора" – окончательное утверждение в научном сознании терминов "фольклор" и "фольклористика". В методологически важной статье "Очередные задачи изучения русского фольклора" Ю.М. Соколов, сопоставив термины "народная словесность", "народная поэзия", "устная словесность", которыми в основном пользовалась дореволюционная наука, с термином "фольклор", предпочтение отдал последнему: иностранным словам, указывал ученый, "легче придать условный, научно-терминологический смысл, в то время как русский термин, наряду с условным значением, упорно сохраняет в наших ассоциациях свой общий, а иногда и обывательский смысл" (*Соколов* 1926: 6). Ю.М. Соколов же разграничил термины "фольклор" (материал исследования) и "фольклористика" (научная дисциплина, изучающая фольклор).

Для науки 1920-х годов важно было определить место фольклористики среди других дисциплин. Проблему ее взаимоотношений с этнографией и литературоведением Ю.М. Соколов осветил следующим образом: "Поскольку фольклористика тесно свя-

зана с вопросами быта (особенно в области обряда), то, естественно, она по праву может рассматриваться в качестве какого-то сегмента этнографии. Но ввиду того, что основное и преобладающее значение во всей массе фольклорного материала имеет элемент словесный, фольклор, вне всякого сомнения, входит в область литературоведения" (Там же: 7).

Проблема места фольклора в системе других дисциплин рассматривалась и в другой работе, опубликованной на страницах "Художественного фольклора", – в статье Е.Г. Кагарова "Что такое фольклор". Дав обзор определений фольклора в западной науке, автор предложил свое понимание названной проблемы. Фольклористика, указывает Е.Г. Кагаров, находится на одной оси с такими научными дисциплинами, как литературоведение, с одной стороны, и история культуры и социология – с другой. Соседствующие оси, по его мнению, – языковедение, которое вторгается и в область литературоведения, и в сферу фольклористики, а также этнография, помогающая осмыслить явления истории культуры и тесно связанная с социологией. В то же время фольклористика имеет смежные проблемы с теорией и историей искусств и с народной психологией, подчеркивал Е.Г. Кагаров (1929: 3–8).

Отметим, что "Художественному фольклору" был свойствен широкий и многоаспектный подход к фольклорной культуре. Во-первых, издание старалось следить за состоянием дел в мировой науке. На его страницах печатались обзоры иностранных трудов. В первом выпуске читатель мог познакомиться с рецензией А.И. Никифорова на книги французских специалистов по народной словесности. Во втором и третьем выпусках были опубликованы статьи Е.Г. Кагарова "Новые общие труды по теории и истории фольклора" (рецензия на книги итальянского исследователя Рафаэля Корсо "Фольклор: История. Метод. Библиография" и испанского ученого Александра Гишо-и-Сиерра "История фольклора"), Р.О. Шор "Проблема фольклористического метода" (рецензия на вышедшую в Осло книгу "Рабочий метод фольклористики", подводящую итоги развития "финской школы" фольклористов), Н.М. Элиаш "Современная фольклористика в Германии" и Б.М. Соколова "Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу" (последний обзор продолжен в четвертом и пятом выпусках "Художественного фольклора").

Издание отразило все основные тенденции развития фольклористики, обозначившиеся в 1920-е годы. С одной стороны, здесь публиковались работы, отражавшие интерес науки к форме устно-поэтических произведений (Б.М. Соколов "Эксперименты в области поэтики русского фольклора" – вып. 1; А.К. Мореева "Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек" – вып. 2–3; П.М. Соболев "К вопросу о ритмико-метрической структуре частушек" – вып. 2–3; А.М. Смирнов-Кутаческий "Творчество слова в народной сказке" – вып. 2–3 и др.), с другой, заострялось внимание на социологическом изучении фольклора (Н.К. Пиксанов "Социально-политические судьбы песен о Степане Разине" – вып. 1; С.Ф. Елеонский "Пугачевские указы и манифесты как памятники литературы" – вып. 4–5 и др.). Журнал интересовался проблемами мифологического характера (В.Г. Богораз-Тан "Миф об умирающем и воскресающем звере" – вып. 1), и современными жанрами фольклора (В.В. Стратен "Творчество городской улицы" – вып. 2–3), расширяя само понятие "фольклор" и включая в него такие непривычные для науки явления, как крестьянские автобиографии (Н. Юргин "Собирающие крестьянские автобиографии" – вып. 4–5). Избегая пуританских запретов, журнал обращался к эротической составляющей народной культуры. Именно на страницах "Художественного фольклора" была напечатана знаменитая статья А.И. Никифорова "Эротика в великорусской народной сказке" (вып. 4–5). Московские фольклористы активно обсуждали новые методы изучения фольклорной культуры, например, применение картографического метода (А.М. Смирнов-Кутаческий "О фольклорной карте" – вып. 4–5).

"Художественный фольклор", созданный фольклорной подсекцией Государственной академии художественных наук, без сомнения, – лучшее периодическое издание своего времени, стоявшее во главе фольклористики в 1920-е годы и во многом определявшее ее развитие в данный период.

Как было сказано выше, Государственная академия художественных наук в 1930 г. была реорганизована в Московское отделение Государственной академии искусствознания. Существование фольклорной подсекции было недолгим (декабрь 1923 г. – 1930 г.), тем не менее это учреждение сумело оставить весомый след в истории отечественной науки о "живой старине".

Примечание

¹ О фольклористической деятельности в рамках краеведческого движения и о роли Центрального бюро краеведения рассказывается в подготовленной нами к печати монографии "История русской фольклористики. 1900–1940 гг."

Литература

- Бахтина 2000 – Бахтина В.А. Фольклористическая школа братьев Соколовых: Достоинство и превратности научного знания. М., 2000. С. 136.
- Бюллетень ГАХН. 1925 – Научно-показательный отдел Академии // Бюллетень ГАХН. № 1. 1925. С. 31.
- Бюллетень ГАХН. 1926а – Литературная секция // Бюллетень ГАХН. 1926. № 2/3. С. 34–35.
- Бюллетень ГАХН. 1926б – Литературная секция; Фольклорная экспедиция // Бюллетень ГАХН. 1926. № 4/5. С. 39–40, 80–81.
- Бюллетень ГАХН. 1927 – Литературная секция // Бюллетень ГАХН. 1927. № 6/7. С. 38–45.
- Бюллетень ГАХН. 1927/1928а – Литературная секция // Бюллетень ГАХН. 1927/1928. № 8/9. С. 24–31.
- Бюллетень ГАХН. 1927/1928б – Литературная секция // Бюллетень ГАХН. 1927/1928. № 10. С. 17–28.
- Бюллетень ГАХН. 1928 – Литературная секция // Бюллетень ГАХН. 1928. № 11. С. 27–43.
- Еремина, Жекулина 1991 – Еремина В.И., Жекулина В.И. Практическая текстология былин // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Т. 26. Л., 1991. С. 60–68.
- Иванова 2004 – Иванова Т.Г. Фольклористика в Государственном институте истории искусств в 1920-е гг. // Русский фольклор: Матер. и исслед. Т. 32. СПб., 2004. С. 48–66.
- Иванова 2007 – Иванова Т.Г. Институт по изучению литератур и языков Запада и Востока и его роль в жизни В.Я. Проппа // Рябининские чтения-2007: Матер. V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 304–306.
- Иванова, Строганов 2003 – Иванова И.Е., Строганов М.В. Теория и практика изучения фольклора в исследованиях Ю.М. Соколова 1919–1934 годов (по материалам работы в Твери) // Фольклор Тверской губернии: Сб. Ю.М. Соколова и М.И. Рожновой. 1919–1926 гг. / Изд. подготовили И.Е. Иванова и М.В. Строганов. СПб., 2003. С. 511–572.
- Кагаров 1929 – Кагаров Е.Г. Что такое фольклор // Художественный фольклор. 1929. Вып. 4/5. С. 3–8.
- Кондратьев 1923 – Кондратьев А.И. Российская академия художественных наук // Искусство: Журнал Рос. академии худож. наук. М., 1923. № 1. С. 407–449.
- Онежские былины 1948 – Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю.М. Соколова; подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В.И. Чичерова. М., 1948 (Летописи / Гос. лит. музей. Кн. 13).
- Переписка 1998 – "Верю, мы для России пригодимся": Переписка Б.М. и Ю.М. Соколовых (1921–1923) // Из истории русской фольклористики / Публ. В.А. Бахтиной, Г.Г. Григорьевой и Э.В. Померанцевой СПб., 1998.
- Соколов 1926 – Соколов Ю.М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. [Вып. 1]. С. 6.
- Соколов 1927 – Соколов Ю.М. По следам Рыбникова и Гильфердинга // Художественный фольклор. 1927. Вып. 2/3. С. 13.